

нами: они не имеют в себе смысла завоевания киевского стола копьем, а лишь представляют собою своего рода фигуральное выражение, тропу, или образное выражение, для обозначения того, что Всеслав стал киевским князем. В летописи ясно указывается, что он был поставлен или прославлен среди великокняжеского двора. Оба эти выражения не могут иметь другого смысла, кроме поставления на великокняжеский стол или прославления Всеслава великим киевским князем. И сами по себе они очень поучительны, так как нам совершенно неизвестен обряд поставления на княжеский стол. По летописным версиям Всеслава «поставиша» или «прославиша среди двора великого князя», из чего следует, что избрание его вечем совершилось внутри княжеского двора, так как слова княжий двор надо понимать в смысле княжеского терема, служб, его окружающих, и места, на котором сооружены эти здания. Выражение летописи — «и двор княж разграбиша, беницльное множество злата и сребра и кунами и скорою» — показывает, что под словом двор в данном случае подразумевается весь комплекс зданий и всего места, так как на этом пространстве происходило вече. Тогда, что собственно означает «дотчеса стружием злата стола» в Слове о п. И? Если принять в соображение, что злат стол мог находиться только внутри великокняжеского терема, то буквальное понимание этого выражения приводит нас внутрь терема, где Всеслав и мог коснуться его стружием. Несмотря на загадочность этого выражения «дотчеса стружием», оно все же казалось мне простым и понятным, если принять в соображение данные археологического порядка. На русских великокняжеских золотых и серебряных монетах Владимира, Ярослава с надписью: «Владимир (или Ярослав или Свягополк) на столѣ, а се его злато» (или серебро) изображается сам великий киевский князь, сидящий на троне, т. е. на кресле с подушкой, который в надписи и называется столом. Но ни в надписях, ни в других письменных источниках нет точного обозначения того длинного жезла с крестом поверх него, который держит великий князь у правого плеча опущенным к подножию трона своим нижним концом. Несмотря на то, что первые русские монеты чеканились по образцу византийских, едва ли допустимо, чтобы эта регалия, даваемая в руку киевского князя, была простым подражанием, зависящим только от монетного образца, и не имела значения в русском быту. Предмет с крестом, который князь держит, то опирая его о правое плечо, то держа его рядом с собою и упирая концом в подножие трона, или в одном случае на подставку со ступеньками, И. И. Толстой называет крестом, но по существу это есть длинный жезл с небольшим крестом на верхнем конце, вроде так называемого византийского процессиального креста,